
Дмитрий Архипов
ПСИХиЯ. Полное собрание заблуждений

Дмитрий Архипов

ПСИХиЯ. Полное собрание заблуждений

https://litres.ru/74280473
SelfPub; 2026

Аннотация

В современном мире, где ментальная адекватность измеряется количеством лайков под фото котиков и способностью обсуждать курс валют без дергающегося глаза, любой может оказаться в комнате с мягкими стенами. Достаточно одного неловкого шага в сторону от коллективного галлюциноза под названием «нормальность». Меня же заперли за то, что я нарушил границы повествования. Я заболел страшной, неизлечимой болезнью: я научился придумывать реальность так убедительно, что она начала придумывать меня в ответ.

Но санитары со шприцами, набитыми «Тишиной», не знают главного. Они думают, что я заперт здесь. Идиоты. На самом деле, эта психбольница — всего лишь локация в моей новой рукописи. И Дятел, который сейчас с влажным хрустом раскроил себе бровь, — это просто сюжетный ход, чтобы сбить меня с мысли. Потому что, если я допишу этот текст до конца, реальность схлопнется, как мокрая картонная коробка.

За что именно меня заперли? За квантовую нарративность.

Содержание

Глава 4
Конец ознакомительного фрагмента. 44

ПСИХиЯ. Полное собрание заблуждений

Глава

Дмитрий Архипов

ПСИХиЯ
Полное собрание заблуждений.

Новосибирск 2026

Эпиграф

«Не бойтесь сойти с ума — бойтесь остаться нормальным в мире, который давно нуждается в ремонте. Психушка — это не место, это состояние души. А душа, как известно, не имеет страховки от пожара, потопа и творческого кризиса».

— Анонимный поэт из Лимба,
найденный на полях недописанного сонета,
который он сочинял, ожидая своей
очереди на воплощение

и коротая время за игрой в буриме с тенью
Франца Кафки.

Дополнительный эпиграф (найденный позже, под кроватью в палате №13)

«Если вы читаете это — значит, автор уже не спит. Или еще не проснулся. Или спит, но видит вас во сне. В любом случае, передайте Дятлу: орех — внутри. Всегда был внутри. Просто скорлупа оказалась толще, чем череп».

— Записка, приколотая скрепкой к подушке,
предположительно оставленная пациентом N
во время очередного побега в реальность.

ВВОДНОЕ СЛОВО АВТОРА,

которое следовало бы прочитать первым,

но которое обычно читают потом,

если вообще читают.

Я начал писать этот роман в толпе. В шуме. В бесконечном мелькании лиц, событий, обязательств. Я был как все — ходил на работу, отвечал на звонки, заполнял какие-то

бумаги, существование которых оправдывало существование других бумаг. Я был нормальным. Или притворялся, что нормален. Что, в сущности, одно и то же.

А потом я начал писать. Сначала — страницу. Потом — главу. Потом — ещё одну. И ещё. Слова потянули за собой другие слова, сюжеты породили другие сюжеты, персонажи, которых я, казалось, выдумал из головы, вдруг начали жить своей жизнью и требовать продолжения. N, Локон, Инфанта, Дятел — они перестали быть строчками на экране. Они стали реальнее, чем люди, с которыми я здоровался по утрам.

И тогда пришло одиночество.

Не то одиночество, от которого ноют под ложечкой и хочется кому-нибудь позвонить. А другое. Глубинное. Творческое. Одиночество, которое не мучает, а освобождает. Потому что, чтобы написать что-то настоящее, нужно полностью остаться одному. Нужно выпасть из реальности, как выпадают из гнезда птенцы — страшно, больно, но только так можно научиться летать.

Я выпал. Я остался один. Я погрузился в миры, которые создавал, с головой — и перестал различать, где заканчивается роман и начинается жизнь. Психушка, Лабиринт, Город — они стали моим домом. А комната, в которой я писал, ста-

ла просто декорацией. Временным пристанищем. Местом, где тело нажимает на клавиши, пока разум блуждает по коридорам, которых не существует на картах.

Это тонкая грань. Очень тонкая. Между «я пишу» и «я написан». Между «я создаю персонажа» и «персонаж создаёт меня». Между реальностью, в которой нужно платить за квартиру, и реальностью, в которой Дятел ищет свой орех, а Локон Детектив раскуривает трубку над очередной нераскрытой тайной. Я ходил по этой грани, как канатоходец. Иногда срывался. Иногда падал в одну из реальностей — и не мог выбраться часами, днями, неделями.

Но я ни о чём не жалею. Это прекрасная плата. Одиночество — это не цена. Одиночество — это условие. Как тишина для музыканта. Как темнота для астронома. Как пустота для того, кто хочет заполнить её смыслом.

И когда роман был дописан (впрочем, нет — он не дописан, он просто поставлен на паузу, потому что настоящие истории не заканчиваются), я понял, каким должно быть название. Не «Хроники», не «Путеводитель», не «Тайна». А просто и точно — диагноз. Потому что писательство — это диагноз. И одиночество — это диагноз. И жизнь на грани между мирами — это тоже диагноз.

Псих — потому что без психоза нет творчества. Потому что нормальный человек не станет запираться в комнате на месяцы, чтобы разговаривать с персонажами, которых не существует. Потому что нормальный человек не променяет реальный мир на вымышленный. Но нормальный человек и не напишет ничего стоящего.

и — маленькая буква, соединительный союз. Мостик. Та самая грань. То, что держит психоз и личность вместе, не давая им развалиться на две отдельные катастрофы. Союз «и» — это смирение. Принятие того факта, что психоз — это часть меня, а я — часть психоза. И мы как-то уживаемся.

Я — большая буква. Личность. Автор. Человек, который всё ещё здесь, который держит в руках нить повествования, который не растворился в своих мирах окончательно. Который помнит своё имя. Который может в любой момент закрыть ноутбук и выйти на улицу. Который выбирает не закрывать ноутбук. Который выбирает остаться.

Вот что такое «ПСИХиЯ». Это история о том, как я ушёл в одиночество и нашёл там целую вселенную. О том, как я потерял связь с реальностью и обрёл связь с чем-то большим. О том, как я поставил себе диагноз и отказался лечиться. Потому что некоторые болезни — это не болезни. Это дары. Это порталы. Это двери, за которыми начинается настоящее.

Я не знаю, кто вы, читающий эти строки. Может быть, вы — случайный прохожий, заглянувший в книгу из любопытства. Может быть, вы — друг, который хочет понять, куда я пропал на все эти месяцы. Может быть, вы — я сам, читающий собственный текст спустя годы и думающий: «Господи, каким же я был безумцем».

Кем бы вы ни были — добро пожаловать.

Добро пожаловать в мой психоз. Добро пожаловать в моё одиночество. Добро пожаловать в миры, которые я создал, пока сидел один в пустой комнате и слушал, как Дятел стучит клювом по скорлупе реальности.

Надеюсь, вам понравится. Надеюсь, вам будет страшно. Надеюсь, вам будет смешно. Надеюсь, вы иногда будете откладывать книгу и думать: «Что за бред я сейчас прочитал?» — а потом снова брать её в руки и читать дальше. Потому что бред — это тоже часть меня. Часть психоза. Часть диагноза.

И помните: это тонкая грань. Очень тонкая. Между чтением и безумием. Между наблюдением и участием. Между «я просто читатель» и «я тоже персонаж этой истории».

Не бойтесь переступить.

Там, за гранью, уже горит свет.

Там уже заварен чай.

Там уже играет оркестр Маэстро Бессонницы.

Там Локон Детектив поправляет шляпу и говорит: «Ну наконец-то. Мы вас заждались. Проходите. Садитесь. История продолжается».

И она действительно продолжается.
Всегда продолжается.
Потому что настоящие истории не заканчиваются.
Они просто ждут следующего читателя.

С уважением,
Дмитрий Архипов,
он же N,
он же пациент,
он же создатель миров,
которые теперь принадлежат вам.

Тишина. Не та тишина, что бывает перед бурей, и не та, что наступает после сказанных невпопад слов. Это особая тишина — густая, вязкая, как кисель из несбывшихся на-

дежд. Она звенит в ушах, она давит на барабанные перепонки, она требует, чтобы её нарушили. И её нарушают. Всегда нарушают. Потому что тишина в психушке — это не покой. Это прелюдия.

Где-то в конце коридора хлопает дверь. Где-то на третьем этаже кто-то кричит — не от боли, а от того, что кричать вообще возможно. Санитар в ординаторской размешивает сахар в чае, и этот звук — металлическая ложка о фаянсовую кружку — похож на звон ключей от всех дверей, которые когда-либо запирали людей от внешнего мира.

А потом раздаётся стук.

Ритмичный. Влажный. Настойчивый.

Это Дятел. Он снова пытается пробить головой стену. Не потому, что хочет сбежать. Не потому, что ему больно. А потому, что где-то там, за штукатуркой и кирпичом, за облупившейся краской цвета «безнадёжный оптимизм», спрятан орех. Самый важный орех в мире. Орех, ради которого стоит жить. Орех, ради которого стоит долбить.

Он ещё не знает, что ореха там нет.
Он ещё не знает, что орех — внутри.
Он ещё не знает, что я — тот, кто его придумал.

А я ещё не знаю, что он — тот, кто придумал меня.
Вот с этого всё и началось.
Со стука.
С крика.
С ореха.
С меня.
Глава 1. Акустическая травма

Крик был настолько громким и нечленораздельным, что фраза «вырвал из процесса» не подходила. Он не вырвал, он кастрировал мой мыслительный процесс, оставив на его месте кровоточащую культю из оборванных нейронов. Я как раз додумывал персонажу трагическую предысторию: балерина, потерявшая ноги, но танцующая в астрале. Красиво, пафосно, в духе Достоевского под мескалином. И тут этот звук.

Звук был влажный. Такой, знаете, хрустко-чавкающий ритмичный стук, какой бывает, когда разделываешь кокос мачете, но кокос еще не созрел и внутри полно сока. Я обернулся. Источником шума был пациент по кличке Дятел. Он не был орнитологом, он просто очень любил стучать лбом в стену. Сейчас, в три часа пополудни, он пытался пробить себе путь в соседнюю палату, где, по его глубокому убеждению, в дупле старого дуба хранился фундук вечной жизни.

Персонал заведения ласково называл это «психоакустической перкуссией». У врачей здесь было особое чувство юмора. Черное, как деготь, и липкое, как смирительная рубашка, в которую меня закатывали каждый вторник. Профилактически.

Я оглядел холл. Он был выдержан в успокаивающих тонах детской неожиданности: цвет стен напоминал зеленку, а пол — раздавленную клубнику. Где-то в углу человек-Облако медитировал, пытаясь силой мысли превратить свои тапки в кроссовки для скейтборда. У него не получалось, но он не сдавался, упорно жужжа подшипниками. Рядом с ним сидела Женщина-Фольга, закутанная в рулон алюминиевого блестящего материала, и перехватывала сигналы НЛО на вязальную спицу.

Меня зовут N. И я здесь не просто так.

Общество потребовало моей изоляции после того, как я совершил недопустимое. Нет, я никого не убил. Я не кричал в общественных местах, что трамваи — это гусеницы дьявола. Я просто стал слишком хорошим рассказчиком.

В современном мире, где ментальная адекватность измеряется количеством лайков под фото котиков и способностью обсуждать курс валют без дергающегося глаза, любой

может оказаться в комнате с мягкими стенами. Достаточно одного неловкого шага в сторону от коллективного галлюциноза под названием «нормальность». Меня же заперли за то, что я нарушил границы повествования. Я заболел страшной, неизлечимой болезнью: я научился придумывать реальность так убедительно, что она начала придумывать меня в ответ.

Но санитары со шприцами, набитыми «Тишиной», не знают главного. Они думают, что я заперт здесь. Идиоты. На самом деле, эта психбольница — всего лишь локация в моей новой рукописи. И Дятел, который сейчас с влажным хрустом раскроил себе бровь, — это просто сюжетный ход, чтобы сбить меня с мысли. Потому что, если я допишу этот текст до конца, реальность схлопнется, как мокрая картонная коробка.

За что именно меня заперли? За квантовую нарративность. Но чтобы вы поняли всю глубину моего безумия, придется начать издалека. С того самого дня, когда я понял, что время пахнет паленой изолентой.

Продолжение следует….

Время — это кожа реальности. И у некоторых людей на неё аллергия. Сначала чешутся мысли. Потом опухают воспоминания. Потом вы чихаете — и проваливаетесь во вторник, которого не было. Я сидел за столом и описывал орех. Я должен был продать его читателю. Но слова оказа-

лись сильнее меня. Слова прорвали ткань времени, как гнилая нитка, и реальность схлопнулась, оставив только запах палёной изоленты и чей-то смех из-за угла.

Глава 2. Хроноаллергия

Это случилось во вторник. Самый мерзкий день недели, названный в честь бога войны и совещаний. Я работал тогда в жанре «корпоративный сюрреализм», служа копирайтером в агентстве «Грёзы в целлофане». В мои обязанности входило описывать преимущества товаров, которых не существует. Я придумывал вкус для диетического пепла, текстуру для рекламы воздуха с Тибета и эмоциональную составляющую для новой линии гробов с подогревом.

Именно в тот день мне поручили описать «Орех».

— Понимаешь, N, — сказал мой босс, господин Улыбка-из-Плоти, — это не просто фундук. Это эссенция щелканья. Нам нужно, чтобы покупатель, читая текст, испытывал оргазм челюсти. Чтобы он слышал, как трескается скорлупа реальности.

Я сел за компьютер. Монитор пах разогретым кварцем и чужими ожиданиями. Я положил пальцы на клавиатуру, старую, механическую, где каждая кнопка щелкала, словно за-

твор винтовки. И начал писать.

«Представьте себе орех…»

Пальцы остановились. Что-то пошло не так. Клавиша «О» залипла, издав не просто щелчок, а протяжный, вибрирующий звук. Как будто где-то в параллельной вселенной порвалась бас-гитарная струна, сплетенная из сухожилий ангела. Я поднял руку и увидел, что подушечки моих пальцев светятся. Мягким, оранжевым, точно гнилушки в ночном лесу.

Вокруг меня мир начал вести себя неприлично. Офисное кресло, еще секунду назад бывшее просто эргономичным куском кожзама, поехало назад, вжимая меня в спинку с ускорением взлетающего истребителя. Пространство вытянулось в трубу. Я видел, как секретарша Леночка, разносившая кофе, застыла в стробоскопической петле, бесконечно проливая кипяток себе на юбку — капля бурой жидкости висела в воздухе, пульсируя, как выпавший из часов рубин.

Меня охватила паника. Я дернулся, чтобы встать, но ремни безопасности, материализовавшиеся из спинки кресла, пристегнули меня к сиденью. Перед глазами, прямо в воздухе, проявилась надпись, горящая неоновым шрифтом Бодони:

ВНИМАНИЕ! ХРОНОАЛЛЕРГИЧЕСКАЯ РЕАКЦИЯ. РАЗРЫВ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ. ПРОСЬБА СОХРАНЯТЬ ПОВЕСТВОВАНИЕ.

— Какое еще, к черту, повествование?! — заорал я, пытаясь перекричать шум ветра, который дул из вентиляционной решетки с запахом озона и давно забытых дней рождения.

И тут я увидел их.

Существа, сидящие на шкафах с документацией. Они были похожи на помесь геккона, уставшего налогового инспектора и офисной лампы дневного света. Их кожа мерцала, переливаясь пикселями неутвержденных макетов. Глаза вращались вокруг вертикальных зрачков, как объективы камер наблюдения. Это были Редакторы. Демоны бюрократического пекла, следящие за тем, чтобы реальность не расходилась с Техническим Заданием.

— Объект N, — проскрежетало одно из существ, листая мое личное дело, которое было толщиной с роман «Война и мир», но состояло исключительно из незаполненных граф. — Вы превысили лимит метафор на квадратный сантиметр текста. Использование эпитета «хрустящий» к понятию «вечность» запрещено параграфом «Ы» Договора о Материализации.

— Какого договора?! Я просто описывал орех! — взвизгнул я.

— Именно, — кивнул второй Редактор, доставая из воздуха печать, похожую на миниатюрную гильотину. — Вы описали Орех Первотворения. Объект «Грецкий-Ноль». Нельзя просто так взять и сделать словесный слепок с сингулярности. Вы спровоцировали коллапс текста. Теперь ваш внутренний нарратив конфликтует с объективной реальностью. У вас, батенька, рак предложений. И метастазы абзацев уже проникли в гиппокамп.

Я смотрел на свои руки. Они больше не светились. Теперь они были прозрачными, и внутри, под кожей, вместо вен и артерий извивались черные строки, набранные 10-м кеглем Times New Roman. Строки ползли от запястий к локтям, сплетаясь в причудливые готические орнаменты. Я мог прочесть их, если приглядывался. Это были мои мысли. Мои пошлые, глупые, трусливые мысли о квартплате и несвежих носках, теперь доступные любому санитару с лупой.

— Ваш случай безнадежен, — констатировал третий Редактор, появляясь из факса. От него пахло разогретым тонером и тщетностью бытия. — Вы обречены вечно генерировать сюжеты. Любая локация, куда вы попадаете, будет

обрастать декорациями. Любой человек, встреченный вами, получит предысторию, мотивацию и неизлечимую душевную травму. Вы — вирус нарратива. И мы помещаем вас в карантин.

Мир моргнул. Офис агентства «Грёзы в целлофане» схлопнулся в точку, как выключенный кинескоп. Запахло хлоркой, мочой и сладковатым дымком чьих-то сгоревших амбиций.

Продолжение преследует….

Снаружи люди носятся по кругу, грызут друг другу глотки и называют это карьерой. Снаружи зависть подают с утренним кофе, а одиночество — на десерт. Здесь, в санатории, хотя бы честно: тапочки, халат, справка. Здесь безумие — это диагноз, а не образ жизни. Здесь стены мягкие, а истина — твёрдая. Истина в том, что снаружи — та же психушка. Просто без санитаров.

Глава 3. Санаторий «ПТСР-Палас»

Так я оказался здесь. В учреждении, которое в миру называли «Склиф для графоманов». Огромное здание в форме спирали Архимеда, уходящей под землю. На картах Google его не было, а навигатор при подъезде начинал читать стихи Бродского голосом Сатаны.

Первый, кого я встретил, был мой лечащий врач. Доктор Апостроф. Фамилия казалась вымышленной, пока он не открыл рот. Он не говорил словами — он изъяснялся знаками препинания. Паузы в его речи были оглушительны, а многоточия зияли, как черные дыры в деснах.

— Итак… N… — произнес он, и после «N» повисла запятая такой силы, что у меня чуть не случился вывих мозга. — …ваша проблема… в избыточности… Вы мыслите… абзацами… Это опасно… для плоской… структуры… бытия…

Он выписал мне лекарства. Это были не таблетки. Это были клизмы с жидким постмодернизмом и внутривенные инъекции буквализма. После укола буквализма мир на несколько часов становился невыносимо скучным. Стул был просто стулом, а не «деревянным скелетом уставшей гравитации». Боль была просто болью, а не «алой жрицей, танцующей фламенко на оголенных нервах». Это было ужасно.

Но была у этого заведения и своя прелесть. А именно — черный юмор мироздания. Местные пациенты были моей паствой, а я — их Шехерезадой. Потому что в этом месте, лишенном сюжетов, моя способность стала валютой.

Сегодня, как только Дятел наконец вырубился, потеряв

сознание от удара (стена, кстати, даже не треснула, только пошла легкой рябью, как поверхность пруда), ко мне подковыляла Женщина-Фольга. Ее глаза сверкали в прорезях самодельного шлема.

— Ш-ш-ш, Сказочник, — прошелестела она, и я услышал в ее голосе радиопомехи от далеких квазаров. — Они снова глушат Альфа-Центавру. Мне нужна история. Мощная. Чтобы прожечь их глушилки.

— Что на этот раз? — спросил я, разминая пальцы. — Драма? Космоопера? Производственный роман о жизни инфузорий?

— Ужастик, — проскрипела она, воровато оглядываясь на санитара, который дремал, прислонившись к стене и видя десятый сон о пиве и усмирении бунтов. — Хочу ужастик про то, как текстовые редакторы захватили рай.

Я улыбнулся. Такой заказ мне нравился. Я поднял руку, и в воздухе передо мной материализовались призрачные страницы. Я начал диктовать, и буквы падали вниз, как черный снег, тая на грязном линолеуме:

«Ангелы вошли в Рай через парадный вход, отпечатав пропуска на костной муке. К тому времени, как они подня-

лись в Отдел Облачных Вычислений, Создатель уже три дня как не отвечал на молитвы. В Его кабинете пахло озоном и разбитыми скрижалями. На мониторе, парящем над Господним креслом, мигал синий экран смерти с единственной надписью: „ФАТАЛЬНАЯ ОШИБКА В МОДУЛЕ СВОБОДНОЙ ВОЛИ. НЕДОПУСТИМОЕ ИСКЛЮЧЕНИЕ В АДРЕСЕ ЭДЕМ-1…“»

Я не успел закончить. Потому что в этот момент двери палаты с грохотом распахнулись, и вошли Охотники за Сюжетами.

Это были три санитара в защитных костюмах, похожих на скафандры. Их лица скрывали зеркальные забрала, чтобы, не дай бог, не вовлечься в мою историю. В руках у них были не дубинки и не шприцы. У них были Красные Маркеры. Огромные, толщиной с руку младенца, светящиеся багровым, готовые перечеркнуть абзац моей жизни.

— Пациент N, — прогремел голос из динамиков шлема. Голос был синтезирован, лишен интонаций и милосердия. — Вы нарушили протокол «Типографская Тишина». Несанкционированный сторителлинг в неположенное время.

— Ребята, вы же понимаете, что это бессмысленно? — я медленно встал с койки, чувствуя, как текст под кожей на-

чинает идти рябью, требуя выхода. — Вы пытаетесь редактировать черновик, который уже пошел в печать.

— Отставить вводные конструкции! — рявкнул второй санитар, взводя курок своего Маркера. — Согласно вашей истории болезни, вы больны Паранойяльной Фабулой в терминальной стадии. Последний анализ показал наличие спрятанных смыслов в вашей спинномозговой жидкости.

Я расхохотался. Честно, истерично, с подвизгиванием. Потому что я знал то, чего не знали они. Пока они видели сумасшедшего, который шевелит губами и выдумывает небылицы, я видел правду. Я видел четвертую стену.

Она была прямо здесь. Полупрозрачная, слегка подрагивающая мембрана, отделяющая «здесь» от «там». И с той стороны мембраны на меня смотрели Они. Читатели. Наблюдатели. Те, кто держит в руках пожелтевшие страницы или водит пальцем по экрану. Их глаза были огромны, как луны, и абсолютно пусты.

Я подмигнул им.

— Вы хотите знать, за что меня заперли? — спросил я, обращаясь уже не к санитарам с Маркерами, а к тем, кто смотрел из-за невидимой грани. — Меня заперли не за то, что я

сумасшедший. Меня заперли, потому что я понял принцип. Вся наша Вселенная — это черновик, брошенный Рассеянным Автором на полпути. А я, я всего лишь пытаюсь дописать его до ума. Добавить щепотку смысла в этот бесконечный белый шум.

И тут произошло то, что я планировал с самого начала этой главы. Дятел, очнувшийся от обморока, снова закричал. Но это был не просто крик. Это был звук, ломающий капилляры в глазах. Звук, на частоте которого вибрирует истина. Окна на четвертом этаже лопнули, осыпав нас дождем из сахарного стекла. Санитары схватились за головы, их Маркеры выпали из рук, вычеркивая на полу ругательства и интегралы.

Я использовал этот момент. Я подхватил один из Маркеров. В руке он был горячим, как сердце только что убитого метеорита. Я подбежал к стене, к той самой, где Дятел пытался добыть орех.

И начал писать. Я писал на стене, вычеркивая реальность психушки и вписывая новую.

«…Он вышел на балкон. Воздух был сладок и свеж. Внизу шумел город, который никогда не существовал, но от этого не становился менее живым. Птицы пели песни, слова кото-

рых знали только мертвые поэты. N был свободен…»

Я не успел дописать последнюю точку. Шестеренки сюжета закрутились быстрее, чем я рассчитывал. Пол подо мной дрогнул. Стены палаты пошли рябью, сминаясь в гармошку, как декорации в плохом театре. Я обернулся, и в последний раз увидел свое отражение в зеркальном забрале падающего санитара.

Мое лицо… Оно было прекрасно и чудовищно. Глаза светились тем же оранжевым гнилушечным светом, что и в самом начале моего путешествия. А на лбу, прямо по центру, проступила надпись, четкая, готическая, вдавленная в кость, словно сургучная печать:

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ. ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ…

Я засмеялся. Мир схлопнулся в белую точку. Но перед тем, как тишина поглотила меня, я услышал, как где-то за гранью, за бумажной стеной бытия, в пустой комнате, раздался звук закрываемой книги. И этот звук был в точности похож на треск разгрызаемого грецкого ореха.

Вот за что меня заперли. Я хотел узнать, что находится снаружи текста. И боюсь, что это просто голодный читатель. Спокойной ночи.

Продолжение чувствует….

Каждая книга на полке — это чей-то неоплаченный счет. Бессонные ночи, брошенные семьи, выпитые литры кофе — всё ради того, чтобы однажды кто-то открыл тебя, прочёл пару строк и поставил обратно. Или не открыл? Или открыл, но не дочитал? Хуже не дочитанного — только не дописанное. Хуже библиотеки — только библиотека, где собраны книги, которые никто никогда не напишет. Потому что автор умер. Или сдался. Или забыл. Забыл! А книги помнят. И ждут.

Глава 4. Библиотека Невернувшихся Книг

Точка оказалась вовсе не точкой. Это была дыра. Червоточина, прогрызенная моим непомерным эго в ткани повествования. Меня выплюнуло в месте, где законы физики писались на полях черновиков и легко стирались влажной тряпкой уборщицы.

Я очутился в Библиотеке.

Масштаб помещения не поддавался человеческой логике. Представьте себе Вавилонскую башню, которую вывернули наизнанку, залили бетоном из спрессованных диссертаций и украсили гаргульями, вырезанными из критических статей.

Стеллажи уходили вверх, в бесконечность, теряясь в тумане, который пах чернильным порошком и несбывшимися надеждами начинающих авторов. Пол был выложен паркетом из обложек книг-однодневок, чьи имена канули в Лету, не успев толком прогреметь.

— Добро пожаловать в Архив, — раздался скрипучий, как несмазанная дверь склепа, голос.

Я обернулся и увидел Библиотекаря. Это было существо, которое, казалось, собрали из запчастей, украденных из разных мифологий. Нижняя половина туловища напоминала гигантскую гусеницу, сшитую из корешков словарей Ожегова. Верхняя половина принадлежала сморщенной старухе с лицом, похожим на печеное яблоко, забытое в микроволновке. Вместо волос у нее из головы росли каталожные карточки, исписанные убористым, безумным почерком. На носу сидели очки, стекла которых были сделаны из застывших луж времени. Она восседала за столом, который на самом деле был надгробной плитой какого-то забытого жанра.

— Вы, простите, кто? — спросил я, отряхивая с больничной пижамы остатки хроноаллергической слизи.

— Я — Децима Цензуровна, — проскрипела она, перебирая карточки на голове, словно листала невидимую книгу. —

Хранительница Невостребованных Сюжетов, Целительница Разорванных Фабул и, по совместительству, главный Налоговый Инспектор Вдохновения. Вы, N, задолжали Библиотеке одиннадцать сюжетных поворотов и две развязки. Плюс пеня за несанкционированный клиффхэнгер.

Она достала откуда-то из-под своей гусеничной складки огромный штамп, источающий багровое свечение. На штампе было выгравировано одно слово: «ОТКАЗАНО».

— Погодите, — запротестовал я. — Я не собираюсь платить! Я вообще сюда случайно попал. Меня выбросило из предыдущей локации из-за сбоя абзаца.

Децима Цензуровна зловеще рассмеялась. Ее смех был похож на звук рвущейся бумаги. Той самой, о которую можно сильно порезаться.

— Случайно? Мой чешуйчатый мальчик, в Библиотеку Невернувшихся Книг не попадают случайно. Сюда приходят те, кто слишком сильно заигрался в Творца. Вы создали реальность, которая начала пожирать саму себя. Ваши персонажи взбунтовались и требуют алиментов. Особенно тот, лысый, который бился головой об стену. У него сотрясение мозга четвертой степени и пролом в четвертую стену. Он подает на вас в Суд Инстанций за жестокое обращение с образами.

Я нервно сглотнул. Ситуация принимала совсем дурной оборот. Я всего лишь хотел побыть Создателем, а в итоге на меня вешают уголовное дело за нанесение тяжких телесных повреждений вымышленному персонажу.

— Я могу это исправить? — спросил я, пытаясь нащупать в кармане пижамы хоть что-то, напоминающее оружие. Но карманы были пусты, если не считать завалявшейся скрепки и дохлой метафоры.

— Можете, — кивнула Библиотекарша, и ее очки сверкнули так, что я на секунду ослеп. — Вы должны спуститься в Отдел Утраченных Концовок и найти Книгу, в которой вы существуете. Только там написано, чем все закончится. Если вы успеете дописать финал раньше, чем ваши внутренние демоны доберутся до вашего гиппокампа, возможно, вас простят.

— А если не успею?

— Тогда ваш разум будет расфасован по стопкам макулатуры, а ваше тело станет экспонатом в Зале Бесперспективных Авторов, — она облизнула сухие, как пергамент, губы. — У нас там как раз освободилось место после того, как один графоман попытался описать бесконечность и лопнул,

оставив после себя лишь маслянистое пятно и запах разочарования.

Делать было нечего. Приключение, которое началось с безобидного описания ореха, завело меня в бюрократический ад литературного учета.

Продолжение наступит через пять….четыре…три… А чёрт, страница кончилась. Завтра

Гранки — это последний круг ада для писателя. Вы смотрите на текст и не узнаёте себя. Кто написал эту чушь? Кто рассадил опечатки, как тараканов по углам? Кто позволил запятым восстать против точек? А теперь представьте целую страну, где живут только ошибки. Где абзацы мутировали. Где метафоры одичали и охотятся стаями. Где корректор — мифическое существо, в которое никто не верит. Добро пожаловать. Закрывайте двери. Они выползают.

Глава 5. Страна Невычитанных Гранок

Я шел по бесконечным коридорам Библиотеки. Это место было живым. Оно дышало. Стеллажи сдвигались за моей спиной с тихим шелестом, отрезая пути к отступлению. С потолка свисали пауки, сплетавшие паутину из неиспользованных запятых и висячих деепричастных оборотов. Ино-

гда из темных проходов доносились жуткие звуки: хлюпанье сюжетных дыр, вой брошенных на середине романов и чавканье «роялей в кустах», пожирающих логику.

Мне нужна была Книга. Моя Книга. Но как ее найти среди миллиардов томов?

Внезапно я услышал выстрелы. Стреляли явно не из револьвера — звук был более глухой и какой-то типографский. Бах! Бах! Бах!

Я прижался к стеллажу с книгами по прикладной демонологии и осторожно выглянул из-за угла.

Передо мной открылась картина, достойная кисти Иеронима Босха на пике его ЛСД-трипа. Посреди просторного читального зала, где вместо стульев стояли электрические стулья (видимо, для усиления читательского интереса), шло сражение.

Группа существ, очень похожих на людей, только вместо лиц у них были титульные листы глянцевых журналов, отстреливалась от орды… грамматических ошибок. Ошибки были омерзительны. Жирные, склизкие твари, состоящие из спутанных падежей и гнойных плеоназмов, они ползли, переваливаясь, оставляя на паркете следы из несогласованных

причастий.

— Жи-Ши пиши с буквой «И», тварь! — орал один из «журнальнолицых», всаживая очередь из шприцемета прямо в глаз гигантской запятой, которая собиралась съесть деепричастие.

Я узнал этот типаж. Это были Стилисты. Элитный отряд спецназа, охраняющий чистоту языка. Их бронежилеты были сделаны из переплетенных орфографических словарей, а в руках они сжимали грамматические циркуляры, стреляющие капсулами с концентрированной пунктуацией.

Один из них заметил меня и махнул рукой. У него было лицо с обложки «Vogue» за сентябрь 1987 года.

— Эй, гражданский! — крикнул он, перезаряжая своё оружие. — Какого хрена ты тут забыл? Тут карантинная зона! Пропуск есть?

— Я… Я писатель! — ответил я, выходя из укрытия и стараясь не наступить на корчащуюся в агонии тавтологию «масло масляное».

— Писатель? — «Vogue» презрительно хмыкнул. — Тоже мне, Франц Кафка в пижаме. Сейчас каждая бездарность с

клавиатурой называет себя писателем. А ты хоть одну норму языка знаешь? Чем докажешь?

Я напряг мозг. Я должен был доказать, что я свой. Я посмотрел на полчища надвигающихся Ошибок. Самая жирная из них, покрытая слизью безграмотности, ревела: «ЛОЖИ СЮДА! ИХНИЙ КОМАНДИР ЗДЕСЯ! ЕХАЙ К НИМ!»

Это был шанс. Я выхватил у одного из Стилистов запасной тубус с корректором, отвинтил крышку и, как заправский Зорро, начертил на полу перед ордой жирную белую линию. Химический запах ударил в ноздри, смешиваясь с запахом страха и типографской краски.

— Склоняйся! — заорал я в лицо твари-Ошибке. — Склоняйся перед совершенным видом глагола, мразь!

Ошибка затормозила всеми своими склизкими тельцами. Другие, напирая сзади, создали кучу-малу из несогласованных предложений. Я начал читать.

Я читал вслух «Правила орфографии и пунктуации» 1956 года издания. Сухие, безжалостные строки падали на чудовищ, как копья света. Ошибки корчились, дымились, из их тел вытекали чернила стыда. «Ихний» лопнул с мерзким зву-

ком, оставив после себя лишь мокрое место. «Ехай» рассыпался в прах. Через пять минут всё было кончено.

«Vogue» подошел ко мне и уважительно похлопал по плечу.

— Лихо ты их. Чистописание — это сила. Меня зовут Главред. И ты, парень, только что спас наш пост. Но что тебе нужно на этом уровне?

— Я ищу свою книгу, — честно признался я. — Говорят, она в Отделе Утраченных Концовок.

Лицо Главреда (в буквальном смысле — глянцевая обложка) пошло рябью ужаса.

— Утраченные Концовки? Да ты безумец. Туда никто не ходит. Там живет Оно.

— Кто — Оно?

— Редакторская Правка, — прошептал Главред, и даже выстрелы вокруг стихли. — Существо, которое вычеркивает из реальности всё лишнее. Если Оно найдет твою книгу раньше тебя, Оно решит, что ты и есть лишняя сюжетная линия. И тогда тебя просто сократят.

Продолжение на подходе….

Подсознание — это подвал, в который мы сваливаем всё, что не хотим видеть при свете дня. Детские страхи. Неловкие воспоминания. Лица тех, кого мы предали. С годами хлама становится так много, что дверь уже не закрывается. Она просто… приоткрыта. И оттуда дует. И оттуда пахнет. И иногда, в три часа ночи, оттуда доносится голос. Он зовёт вас по имени. И вы делаете вид, что не слышите. Но я услышал. Я открыл дверь. И то, что я там нашёл, не было метафорой.

Глава 6. Тайна Запертого Подсознания

Я углубился в самые темные коридоры Библиотеки. Здесь свет не горел вовсе, только фосфоресцировали гнилушки списанных идей. Я шел на запах. Запах был специфический — смесь ванилина, жженой резины и экзистенциального ужаса. Так пахнет детство, когда ты случайно находишь в шкафу не новогодние подарки, а папин архив порнографических карт Таро.

Наконец, я вышел к двери. Тяжелой, обитой железными скобами, с табличкой: «ОТДЕЛ УТРАЧЕННЫХ КОНЦОВОК. ВХОД ТОЛЬКО ДЛЯ ПЕРСОНАЖЕЙ С НЕЗАКОНЧЕННОЙ АРКОЙ».

Я толкнул дверь. Она поддалась с протяжным скрипом, который звучал как вступительные титры к фильму ужасов категории «Б».

Зал был огромен. Тысячи пюпитров уходили в бархатную тьму. На каждом пюпитре лежала раскрытая книга. Но страницы их были пусты. Лишь изредка по ним пробегала дрожь, и на миг проступали слова, чтобы тут же исчезнуть, как утренний туман.

В центре зала, под единственным источником света (лампой накаливания, висящей на проводе, который уходил в никуда), сидел Он. Мой Дятел. Только выглядел он иначе. Тело его было облачено в строгий костюм-тройку, сшитый из газетных вырезок. Голова была перевязана бинтами, сквозь которые проступали пятна крови и типографской краски. На коленях он держал толстенную книгу.

— N, — произнес Дятел, не поднимая глаз. Голос его был спокоен и мелодичен, без тени того безумного крика, что преследовал меня в психушке. — Ты пришел. Долго же ты плутал в этих дебрях абзацев.

— Ты… ты кто вообще? — спросил я, подходя ближе. — Ты всего лишь плод моего воображения, персонаж, которого

я придумал, чтобы разбавить повествование щепоткой черного юмора!

— О нет, — Дятел усмехнулся и перевернул страницу. Бумага была пергаментной, пожелтевшей. — Это ты — плод моего воображения. Или мы оба — плод воображения того, кто читает эти строки. Проблема в том, что мы застряли в жанре. Ты просил триллер, ужасы, черный юмор, мистику… но ты забыл о самом главном.

— О чем? — я уже стоял прямо перед ним. Книга на его коленях была озаглавлена просто: «N: Полное собрание заблуждений».

— О детективе, — прошептал он. — Ты обещал детектив. А какой детектив без убийства?

В этот момент лампа под потолком мигнула и погасла. Я остался стоять в полной темноте, лицом к лицу с персонажем, который, кажется, знал сюжет лучше меня. Мое сердце колотилось где-то в горле, мешая дышать.

— Кого… кого убили? — выдавил я из себя, чувствуя, как текст под кожей начинает нестерпимо зудеть.

— Логику, — ответил голос Дятла из темноты, и я почув-

ствовал, как холодные, шершавые пальцы сжимаются на моем запястье. — Мы убили логику еще в первой главе. А теперь, Создатель, побегай-ка от возмездия.

Я рванулся в сторону, вслепую, выставив руки. Пальцы наткнулись на корешки книг. Я бежал, спотыкаясь о разбросанные сюжетные линии, слыша за спиной цокот его лакированных туфель. Он играл со мной. Ему нравилось это преследование. В воздухе пахло озоном и развязкой.

И тут я увидел свет. Маленький, дрожащий огонек в конце коридора. Я побежал на него, не чуя ног, молясь всем музам, чтобы это не оказался санитар с красным маркером.

Я вылетел из двери, захлопнул ее и привалился спиной, тяжело дыша. Поднял глаза.

Передо мной стоял мужчина в старомодном плаще и шляпе, надвинутой на глаза. В зубах он держал трубку, из которой поднимался дым, пахнущий тайнами и нарушенными клятвами. В руке он держал фонарь.

— Доброй ночи, мистер N, — произнес он хриплым, прокуренным голосом. — Меня зовут Локон Детектив. Частный сыщик. Специализируюсь на убийствах в тексте. Меня наняли, чтобы найти вас.

— Кто нанял? — прохрипел я.

— Ваша Муза, — он выпустил колечко дыма, которое превратилось в знак вопроса и повисло в воздухе. — Она говорит, вы ее похитили, связали и заставляете смотреть, как вы пишете эту графоманию. Она подала на развод. И, кажется, это она заперла вас в этом бреду.

Я медленно сполз по двери. Ну, конечно. Муза. Бедная девушка с крыльями, уставшая от моих бесконечных припадков креативности в три часа ночи. Это была самая логичная развязка.

— И что теперь? — спросил я.

Локон Детектив посмотрел на меня долгим, изучающим взглядом. Его зрачки были не круглыми, а квадратными, как буквицы в старинных рукописях.

— Теперь, приятель, — сказал он, протягивая мне руку в перчатке, — мы будем выпутываться. Поднимем архивы, допросим свидетелей, начистим рыло паре-тройке метафор. В конце концов, у нас впереди еще 995 страниц. Нельзя разочаровывать Читателя.

Я схватился за его руку. Ладонь была твердой и настоящей.

Где-то далеко, за стенами Библиотеки, снова раздался влажный хруст. Дятел нашел новую стену. И кажется, на этот раз он был очень голоден.

Продолжение следует…

Шорох перелистываемых страниц. Скрип половиц в доме, которого нет на картах. Запах дешевого табака, пролитого виски и разбитых надежд.

Глава 7. Допрос с пристрастием к пунктуации

Локон Детектив тащил меня за руку по лабиринтам Библиотеки с уверенностью человека, который знает все выходы, но принципиально пользуется только черными ходами. Его плащ развевался, хотя ветра не было — очевидно, плащ работал на чистом драматизме. Трубка в его зубах не гасла, а дым складывался в замысловатые фигуры: то в петлю виселицы, то в вопросительный знак, то в неприличный жест в адрес законов физики.

— Куда мы идем? — спросил я, перепрыгивая через очередную стопку книг, которые самозабвенно пожирали друг

друга. На моих глазах томик «Критики чистого разума» с чавканьем заглотил брошюру «Как стать счастливым за 7 дней».

— В мой офис, — бросил Локон через плечо. — Там безопасно. Стены обиты алиби, а окна выходят на Пятую Поправку.

Мы свернули в неприметный проход между стеллажами. Локон трижды постучал костяшками пальцев по корешку «Энциклопедии нераскрытых преступлений», и книжный шкаф отъехал в сторону, открывая взору обитую деревом комнату.

Это был классический кабинет частного сыщика из нуаров, который слишком много читал Лавкрафта на ночь. Жалюзи на окнах отбрасывали полосатые тени. На столе стояла печатная машинка, у которой вместо клавиш были зубы. Зубы были явно человеческие, и некоторые из них нервно постукивали, когда я проходил мимо. В углу, в клетке для попугая, сидела маленькая, сморщенная Муза и тихо рыдала чернильными слезами.

— Знакомься, — Локон кивнул на клетку. — Это моя. Сбежать пыталась. Думала, уйдет к поэту-песеннику, будет жить в пентхаусе, питаться кокаином и рифмами. А теперь

сидит вот, переписывает от руки налоговые декларации за прошлый век.

Он снял шляпу и бросил ее на вешалку, которая тут же притворилась мертвой. Я сел на стул для посетителей. Стул был жесткий, неудобный и, кажется, обладал собственной волей — он немедленно начал выспрашивать у меня явку с повинной.

— Итак, мистер N, — Локон сел напротив, положил ноги в стоптанных ботинках на стол и выпустил струю дыма, которая превратилась в череп и, хихикнув, растаяла. — Давай проясним ситуацию. Ты — писатель, который заигрался в Демиурга. Твоя Муза сбежала. Твой персонаж, некий Дятел, объявил на тебя охоту. Ты задолжал Библиотеке кучу сюжетов. И, что самое поганое, — он наклонился вперед, и его квадратные зрачки сузились, — кто-то убил Логику.

— Это аллегория? — осторожно спросил я. — Или реальное убийство?

Локон горько усмехнулся. Он достал из ящика стола папку. На папке было написано: «Дело № 404: Убийство Логики. Совершенно секретно. Не вскрывать до третьего акта».

— Аллегории не оставляют следов зубов на жертве, —

сказал он, раскрывая папку. Внутри лежали фотографии. Я взглянул и пожалел, что у меня вообще есть глаза.

На снимках было нечто. Нечто, что когда-то было стройной системой умозаключений. Теперь оно лежало, распластанное, с вывернутыми силлогизмами и переломанными причинно-следственными связями. Из ран сочился абсурд.

— Ее нашли сегодня утром в переулке Сломанных Метафор, — прокомментировал Локон. — Кто-то забил ее до смерти «роялем в кустах». Смерть наступила мгновенно, от несовместимости с жизнью. Коронер сказал, что это самое бессмысленное убийство, которое он видел за последние триста лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.